

Лев Николаев: «Очень хочется, чтобы наше телевидение поумнело»

Новые Известия - 2001 - 28 дек - с. 11.

— Лев Николаевич, что, с вашей точки зрения, сейчас происходит на телевидении? То, что меняются телеканалы, изменяется не только характер, но и форма программ, уже очевидно. Но появление и необычайно высокие рейтинги так называемого «реального телевидения», программ «За стеклом» или «Последний герой», например, заставили очень многих говорить о том, что это и есть будущее отечественного телевидения. Что пусть не очень качественные, но зато рейтинговые программы, рассчитанные на массового, не очень образованного зрителя, и есть то, к чему на самом деле нужно стремиться...

— Я думаю, что так можно говорить о том, что состояние нынешнего телевидения — это результат развития рыночной экономики. Рынок ведь апеллирует к массовому сознанию, к массовому потребителю: неважно — это покупатель или зритель. А покупателей больше тогда, когда товар дешевле. А чем дешевле товар, тем его больше кушают. Это и ведет к снижению интеллектуальной насыщенности.

Я уверен, что в самые темные времена наше телевидение было намного умнее и интереснее, чем любое западное. Сейчас мы вплотную сомкнулись с тем уровнем, который уже давно существовал и в Америке, и в Европе. Все завязано, и рыночная экономика порождает массовую культуру. Чем больше зрителей, чем выше рейтинг, тем больше рекламодателей, чем больше рекламодателей, тем больше денег для производителей. На этом все замыкается. И невозможно предложить в меню массовой столовой ввести какое-то дорогое кушанье — его просто никто не купит.

Но на самом деле все не так трагично. И Запад решил уже эту проблему. Просто наряду с массовыми, бесплатными каналами, забитыми ширпотребом, появились и другие, рассчитанные на абсолютно любые вкусы — от любителей спорта до поклонников истории культуры. Причем аудитория именно этих каналов постоянно растет. «Дискавери», например, смотрят в десятках стран Европы и Америки. Франко-германский канал РТФ, канал необычайно высокого уровня, качества сейчас пытается выйти на общеевропейский уровень. В этом проекте предлагали участвовать и нашему каналу «Культура». Но, к сожалению, участие в этом нам пока не по карману.

Тем не менее с точки зрения социального места телевидения, то оно будет, по-видимому, расслаиваться. Знаете, в торговле есть бутики, а есть оптовые рынки.

— Но в большинстве своем подобные каналы кабельные и, стало быть, платные. Вы думаете, у нас в стране можно серьезно говорить о массовом распространении платных телеканалов?

— Конечно, нет, но я надеюсь, что они не будут платными. Просто когда-нибудь власть поймет, что, продолжая сегодняшнюю политику, мы обрекаем будущие поколения на чрезвычайно низкий интеллектуальный уровень. А это уже чревата сложностями в развитии государства.

— Вы считаете, что власти это понимают?

— Нет, я в этом совсем не уверен. Потому, например, что у нас нет понимания того, что в науку необходимо вкладывать большие средства. Нет понимания того, что наука — это самое перспективное вложение денег. Это аксиома во всем мире. А у нас науку поддерживают только в той степени, чтобы не дать ей умереть окончательно. Такие же крохи достаются и просветительской деятельности. Хотя эта сфера во всех странах поддерживается именно государством. Подобные телепрограммы идут на государственных каналах, за государственные средства, и при этом власти еще заботятся о том, чтобы все это шло в хорошее время, когда максимум зрителей.

Но я думаю, что придет и это понимание. Мы уже много потеряли, по крайней мере два поколения вылетело. Людей лишили возможности покупать те самые массовые научно-популярные и литературные журналы, которыми мы столько лет гордились. Второй источник массовых знаний — телевидение. Но просветительские, научно-популярные программы если и идут, то только в ночное время.

— А вам не кажется, что ситуация на самом деле парадоксальна? Недавно в одном из журналов руководитель ОРТ назвал «Цивилизацию» в числе лучших десяти программ канала. Тем не менее вы выходите в эфир глубоко за полночь...

— Это мне не понятно. Программа идет с хорошими рейтин-

Программу «Цивилизация» на ОРТ смотрят люди, страдающие хронической бессонницей, и еще постепенно исчезающая прослойка российских граждан, относящих себя к интеллигенции. Впрочем, автора и ведущего «Цивилизации» Льва Николаева такая аудитория вполне устраивает. Академик Академии российского телевидения, лауреат Государственной премии СССР, об-

ладатель двух премий «ТЭФИ» и десятков наград международных фестивалей, он вполне серьезно считает, что просветительское, и уж тем более авторское телевидение не может быть продуктом массовым. В конце концов у каждого свои пристрастия, и человеку и в жизни, и на телевидении просто нужно предоставить возможность выбора.

гами для ночного времени. Не хуже, чем художественные фильмы. Но подобная программа по природе своей, и это мировая практика, даже в прайм-тайм не может дать больше пяти-шести процентов. Никогда. А для канала мечта 15–16. Получается, что чем-то надо жертвовать.

— Лев Николаевич, но «идеальное телевидение», о котором вы говорили, на котором каждый нашел бы канал для себя, на самом-то деле связано только с постоянным расширением вещания, расширением сетей. А в нашей стране происходят прямо противоположные процессы: каналы выстраивают в одну шеренгу. Последнее время довольно много говорят о грядущем слиянии ОРТ и РТР в один большой Центральный государственный канал.

— Я думаю, что это скорее издержки развития... Мы просто говорим о двух разных телевидениях. То, которое обслуживает государство, верховную власть, местную власть и так далее, это одно. Эти каналы так или иначе существуют во всех странах. Во Франции, если не ошибаюсь, все пять каналов государственные, и ничего страшного пока не случилось.

Но есть еще другая перспектива, и она чрезвычайно оптимистична для каждого из нас. Это та программа, над которой работает сейчас под Сигетлом компания Билла Гейтса «Майкрософт». Они очень энергично соединяют компьютер с телевизором. В базы данных заносится все, что так или иначе связано с телевидением во всем мире. Так, чтобы вы могли у себя дома в любой момент вызвать на экран новости любой давности из любой страны, любого канала и любые программы любого интеллектуального свойства: музыкальные, спортивные, политические, все что вы хотите. И тогда уже не важно, какие каналы существуют в стране. Вы делаете для себя свое собственное телевидение. У каждого в доме свое телевидение. При этом абсо-

лютно наплевать, какой там номер у какого канала — второй, первый.

— Но все это довольно отдаленная перспектива.

— Почему? Я помню прекрасный момент, когда мы в 1985 году были с Сергеем Петровичем Капицей в Бристоле на фестивале научного кино. Тогда кто-то принес показать один из первых сотовых телефонов. Сколько прошло времени? Сейчас уже это настолько массовый инструмент, что жизни мы без него не мыслим. В конце концов уже сейчас Интернет с информационной точки зрения во многом перекрывает возможности абсолютно всех остальных источников информации.

Да и если говорить серьезно, то ведь все равно такое кушанье, такое меню, оно не всем нужно. Возможность получать любую информацию заинтересует в лучшем случае процентов 5, ну 10.

— Лев Николаевич, а насколько вообще может быть телевидение независимым от государства? Насколько оно меняется вместе со сменой властей?

— Это сложно. По-моему, нельзя понимать государство как нечто цельное. Чем сильнее власть, чем сильнее государство, тем неизбежнее телевидение будет следить за руководящей рукой. А если во власти существуют достаточно сильные группировки с противоположными интересами, то различные телеканалы неизбежно будут отражать их интересы. Иногда просто потому, что их купили, иногда потому, что какая-то точка зрения им более симпатична. Но именно тогда и появляется то самое желанное демократическое разнообразие.

Поэтому если говорить о жесткой связке «государство — телевидение», то она напрямую зависит от степени концентрации власти в одних руках. Чем власть будет жестче, тем более послушным будет телевидение. И здесь остается всего два выхода у теле-

компаний: либо полностью солидаризироваться с властью, поддерживать все начинания, скажем, президента, либо второе — понимая, что телекомпания ничего не может сделать против, ей остается просто стоять в сторонке, делая вид, что какой-либо процесс она поддерживает. Вы просто всмотритесь в то, что происходит: почему и газеты, и телевидение с такой готовностью поддерживают и откровенные манифесты, и даже намеки властей на те же экономические реформы, например? Просто никому не хочется возвращаться обратно, вот и все.

— То есть дело все же в некоем защитном оптимизме?

— Может быть. Ведь чем агрессивнее власть предлагает реформы, тем активнее ее поддерживает телевидение. И наоборот, если возникает подозрение в том, что власть ведет назад, даже самые послушные начинают всячески лавировать, пытаясь сохранить лицо.

К тому же уже продемонстрировано, что значит иметь свою отдельную точку зрения. Хотя тогда, я думаю, не совсем права была и «телевизионная» сторона, постоянно апеллировавшая к толпе, массовой поддержке, не понимая, что речь идет не только о них, но и о нашем общем будущем.

Единственное, что огорчает сейчас, сузился диапазон мнений. Речь даже не о критике власти. Но все-таки когда мы имеем любую альтернативу, мы видим картину объемно. Но когда мы, перекладывая кнопки, получаем клише, причем на любом канале, просто не достаёт объемности восприятия мира.

И еще очень хочется, чтобы наше телевидение когда-нибудь поумнело.

— А это давняя мечта?

— Да нет, наверное. Скорее, она появилась в самое последнее время.

Кирилл БЕЛЯНИНОВ,
«Новые Известия».